

Если возникновение рассматриваемой индоевропейско-картвельской параллели не связано с игрой случая, то сказанное позволяет предположить зависимость занских лексем от некоторого значительного более раннего индоевропейского прототипа, продолжения которого образуют, как известно, довольно широкую изолексу, представленную балто-славянскими, германскими и итальянским соответствиями: ср. др.-прус. *gabawo*, вост.-слав. болг., макед. *жаба* и их параллели в других славянских языках (в качестве архетипа реконструируется **gēbbā-*), ряд германских форм (др.-сакс. *quappe*, ср.-н.-нем. *quabbe* и др.), а также лат. *būfō*, *-onis*. Даже если не учитывать латинское слово, иногда сопоставляемое с др.-инд. *godhā* 'род крупной ящерицы' (Maurofer II, 347), следует признать, что остальные приведенные формы отражают "диалектное" северно-европейское образование, в качестве соответствующего индоевропейского архетипа которого в специальной литературе предлагалось **g^heb(h)-* (Рокоту, 466). Вместе с тем, неоднократно высказывалось и мнение о принадлежности слова к числу старых основ на *u*⁴. Нельзя полностью исключить его ономастическую природу (ср., например, общелезгинское **q^wab-* 'лягушка'), хотя, по мнению Э. Хэмпса, предположение В. Махека о звукоподражательном происхождении этого слова "не является ни убедительным, ни принципиальным, ни обоснованным"⁵.

На фоне бегло охарактеризованного здесь индоевропейско-картвельского контекста слова бросается в глаза архаичность звукового облика его картвельских аналогий (позднейшим развитием объясняется лишь начальный сонорный элемент, иногда встречающийся в лазской форме и отражающий хорошо известную из исторической фонетики лазского языка тенденцию). Так, в вокализме последних следует в этом плане указать, с одной стороны, на гласный *u* их исхода, а с другой стороны, — на их срединный гласный, реализующий одно из звеньев так называемого занского передвижения фонем (**e* > *a*), характерного для исконного картвельского материала (в этом отношении рассматриваемые формы оказываются в едином ряду вместе с некоторыми другими вероятными мегрельско-лазскими индоевропейскими: ср. мегр.-лазск. *naχv-* 'стирать (о белье)' при и.-е. **sneHu-* и мегр.-лазск. *barg-* 'дробить землю, мотыжить' при и.-е. **bergh-*). Наконец, сохранение анлаутного консонантного комплекса занских слов едва ли может служить отражением прототипа кентумного или, тем более, сатемного характера. Однако причины аффрикатизации его начального согласного следует, по-видимому, искать уже на собственном картвельском почве.

Что касается семантической истории приведенных здесь занских лексем, то есть основания думать, что и в мегрельском лексема первоначально обозначала жабу, о чем как будто говорит уже упоминавшееся выше сложение *žvab(u)-gord-*, второй компонент которого восходит к армянскому названию лягушки⁶. В плане семантики небезынтересно также отметить, что в числе вероятных картвельских индоевропейских можно назвать и несколько других слов,

связанных с обозначением типичных атрибутов низменных и болотистых областей и, в первую очередь, видимо, исторической Колхиды (ср. груз. *dube-* 'низина, впадина'⁷, (*š*)*lam* 'ил', *čumpe-* 'лужа, болотце', *anqara-* 'уж', мегр. *leṭa-* 'грязь, глина' и т.п.).

Примечания

¹ Meyer G. Neugriechische Studien. Wien. 1894, II, 27.

² Schuchardt H. (реферат). M.H. Adjarian. Étude sur la langue laze // MSL X, 1899, 382.

³ Чикобава А.С. Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь. Тбилиси, 1938, 118 (на груз. яз.).

⁴ Specht F. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947, 168; Тоноров В.Н. Прусский словарь. Е — Н. М., 1979, 124; Мартынов В.В. Прусско-славянские эксклюзивные изолексы // Этимология, 1982. М., 1985, 5—6.

⁵ Хэмпс Э. Заметки // Этимология, 1981. М., 1983, 35.

⁶ Кутшидзе И. Грамматика мегрельского (иверского) языка с хрестоматией и словарем // Материалы по яфетическому языкознанию. УП. СПб., 1914, XX.

⁷ Jedlička J. Georgische Etymologien und Vergleichen // Bedi Kartlisa (Rêvue de Kartvélologie). V. XIII—XIV. 1962, 106.

В.А. Фридман*

КАВКАЗСКОЕ ЗАИМСТВОВАНИЕ В ЦЫГАНСКОМ

Считается, что языковые контакты европейского цыганского языка с языками Кавказа ограничиваются заимствованиями из восточного армянского, осетинского и очень небольшим числом заимствований из грузинского, например, *khilav* 'слива' (груз. *kliavi*) и *khoni* 'нутряное сало' (груз. *koni*)¹. Я хочу показать, что цыг. *čamčali* (мн. ч. *čamčalia*) 'ресница', которое было отмечено Паспати и охарактеризовано им как этимологически темное², происходит из груз. *čamčami* 'ресница' и должно быть, следовательно, присоединено к очень немногим неиндоевропейским кавказским заимствованиям в цыганском.

Неконечное ударение свидетельствует, что *čamčali* не исконного происхождения³, но нет ни индоевропейской, ни семитской, ни алтайской лексемы, которая могла бы объяснить его фонологически и семантически. Данные других цыганских диалектов показывают, что значение 'ресница' передавалось или словом *phov* 'бровь' (скр. *bhrū*)⁴ или несомненными заимствованиями, например, *žjana* (рум. *geana*), *klepke* (мн. ч., макед. *кленка*), *küprükja* (мн. ч., тур. *kirpik*)⁵.

С фонетической точки зрения, изменение |с| в |č| (с утратой глоттализации) регулярно для заимствований в турецком языке, который явно влиял в этом отношении на диалекты, описанные Паспати, например, *fitiča* 'род гриба' (совр. греч. φυτότσα), *pivavica* 'пиявка' (болг. *пиявица*)⁶. Проблема цыг. /l/ на месте груз. /m/ имеет два возможных объяснения. Одно из них — диссимилиация с /n/, которая встречается в этом диалекте непоследовательно⁷. Древнегрузинская форма мн. ч. от *čamčami* имеет вид *čamčamni* (современный показатель множественности *-ebi*

*Victor A. Friedman, 1987.

до сих пор может быть замещен теперь уже архаичным *-ni* по стилистическим мотивам), а это слово обычно представлено во множественном числе⁸. Древнегрузинское множественное число могло еще восприниматься в цыганском как форма именительного падежа единственного числа женского рода и могло быть заимствовано как таковое. Таким представляется источник /n/, которое могло поглотить заударное /m/ и, как будет показано ниже, могло позднее в диалекте, описанном Паспати, диссимилироваться или деназализоваться в /l/. Другой возможный источник /l/ — дагестанская форма или изменение. Дарг. *čimičali* 'ресница' восходит к редупликации корня *čVm⁹, в табасаранском есть и *čabčam*, и *čalčim* 'ресница'¹⁰. Удивителен параллелизм дагестанского и картвельского, где соответствующее слово тоже редуплицированного происхождения (Климов, 242).

Второй аргумент в пользу грузинского происхождения цыг. *čamčali* имеет культурный характер. В современной Грузии *čamčami* используется как способ проверки, могут ли иностранцы произнести глоттализированные согласные¹¹. Вполне возможно, что это уже практиковалось в Грузии, когда туда пришли цыгане; возможно даже, что при этом употреблялось множественное число. Благодаря постоянному общению с другими народами цыгане стали полиглотами и приобрели развитое чувство языка. Если *čamčami/čamčamni* использовалось в древней Грузии как средство опознания, то цыгане должны были сознавать как его значение, так и его функцию. Они могли использовать это слово, например, в шутку в своем собственном языке, и впоследствии оно могло стать укоренившейся формой, особенно если *phov* уже служило для обозначения и брови, и ресницы.

Обращаясь к иным диалектам, кроме того, который описан у Паспати, мы можем найти несколько таких, которые могли сохранить это заимствование. В цыганском диалекте района Ая Варвара в Афинах, носители которого, вероятно, пришли из Турции в течение последних ста лет, 'ресница' — это *sampsalo*, которое Мессинг отождествляет с *čamčali* (у Паспати)¹². Изменение /č/ в /s/ (возможно, через промежуточное /c/ в условиях греческого двуязычия) засвидетельствовано и в других случаях в материалах Мессинга, например, *seliko* 'сталь' (тур. *çelik*). Изменение рода также не представляет трудностей; например, совр. греч. *κοστούμι* 'костюм' заимствовано как *kostúmo*¹³. Вставное *p* не встречается больше нигде у Мессинга, но оно типично для фонетики современного греческого языка, который и мог быть источником, ср., например, *Σαμψούβς* 'Самсун' (город в Малой Азии).

Форма *sosimbres* 'ресницы' в диалекте *Caló*, приведенная у Борроу¹⁴, которую Потт¹⁵ пытается вывести из контаминации венг. *szem* 'глаз' с цыг. *phov*, может в действительности восходить к вышеупомянутой грузинской форме мн. *čamčamni*. В диалекте *Caló* нет /c/, а /s/ может быть также рефлексом /c/ в испанском. Сочетание /mn/ могло дать /mbr/ под влиянием испанских фонетических изменений (например, *hombre* из *hom(i)ne*). Форма множественного числа на *-es* обычна в заимствованиях диалекта *Caló* из испанского, а утрата первого /m/ перед /s/ также может объясняться правилами испанской фонетики (ср. *mesa* из *mensa*).

Вокализм затруднителен, но /o/ и /i/ могут быть следствием лабиализации и метатезы или диссимиляции. Если *sosimbres* в диалекте *Caló* также грузинского происхождения, то предки гитан (испанских цыган) должны были отделиться от цыган Оттоманской империи до того, как у последних развилось /l/ в *čamčali*. Наконец, цыганские диалекты в Югославии обнаруживают оба типа развития. Мечкарский диалект в Косове представляет *camcala* (pluralia tantum)¹⁶, которое, возможно, сохранило исконный грузинский губной согласный. Форма *čincána*¹⁷ в гурбетском диалекте (Босния) могла тоже произойти от первоначально *čamčamni* с ассимиляцией /m/ в /n/ и изменением (с развитием верхней и задней артикуляции) /a/ в /i/ либо под ударением перед носовым согласным, либо в безударном положении через стадию *schwa*: и тот, и другой процесс известен в румынском языке, который оказал значительное влияние на этот цыганский диалект¹⁸.

Примечания

- ¹ Ср.: *Pobozniak T. Grammar of the Lovari Dialect. Kraków, 1964, 79.* Я очень благодарен проф. Я. Хэнкоку из Техасского университета, обратившему мое внимание на формы *khilav* и *khoni*.
- ² *Paspatis A. Etudes sur les Tchinghianés ou Bohémiens de l'Empire Ottoman. Constantinople, 1870, 526—527.*
- ³ Правила грузинского ударения весьма спорны, но оно никогда не бывает окончательным.
- ⁴ *Ješina J. Romani čib. Pr., 1882, 69, 90.* Ср. также: *Hamp E. Indo-European *(H_s)op-// Münchener Studien zur Sprachwissenschaft 40, 1981, 35—38,* также см. *Ériu, 1984, 35, 202.*
- ⁵ Это румынское слово встречается в диалекте Калдераш (личное сообщение Я. Хэнкока), а также в других диалектах (*Uhlik R. Srpskohrvatsko-Romsku-Engleski gječnik. Sarajevo, 1983, 390*). М. Кортиад из французского посольства в Албании сообщает мне, что македонское слово употребляется в чергарском диалекте, а турецкое (ср. также алб. *qerpik*) встречается в диалекте Кабуджие.
- ⁶ *Paspatis A. Op. cit. 233, 430.*
- ⁷ Там же, 172, 487.
- ⁸ *Abuladze J. Dzvelli kartuli enis leksikoni. Tbilisi, 1973, 532.*
- ⁹ *Муркелинский Г.Б. Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971, 48.*
- ¹⁰ *Хайдаков С.М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М., 1973, 48.*
- ¹¹ Этой информацией я обязан проф. Д.Э. Холиски из университета Джорджа Мейсона.
- ¹² *Messing G.A. Greek Romany Glossary (рукопись), 123.*
- ¹³ Там же, 125, 9.
- ¹⁴ *Borrow G. The Zingali. L., 1901, 410.*
- ¹⁵ *Pott A.F. Die Zigeuner in Europa und Asien. Leipzig, 1845, II, 250.*
- ¹⁶ Этой информацией я обязан Марселю Кортиаду.
- ¹⁷ *Uhlik R. Op. cit., 390.*
- ¹⁸ Я очень благодарен проф. Э. Хэмпу (Чикагский университет), который прочитал первые варианты этой статьи и сообщил мне полезные замечания и информацию.

Перевела с английского Ж.Ж. Варбот